

Шляпы и власть

Для определенных слоев общества символическая роль шляпы гораздо важнее, чем ее роль модного аксессуара или утилитарное назначение — защита от ненастья. Для особ королевского рода, духовенства и военных головные уборы составляют самую красноречивую часть их гардероба, сигнализируя об общественном статусе. В этих социальных сферах и владелец головного убора, и его визави имеют четкие представления о том, что следует или не следует носить. Они руководствуются сложными кодами, отсылающими к культурной традиции (хотя эти связи не всегда исторически достоверны). Даже когда символическое значение покрытия головы не вполне ясно, обычно существуют неосознанные предположения о том, что головной убор определенного вида будет вызывать уважение, указывать на верноподданные чувства или сообщать о священном сани. Мы начнем эту главу с разговора о том, как британская монархия, покрывая голову, старалась соответствовать общественным требованиям.

Непростые головы

«Все что я хочу это тишина и покой и немного веселья а я привязан к этой жизни сказал он сняв свою корону у королевской жизни много досадных недостатков» (sic!), — говорит Берти, принц Уэльский, обращаясь к мистеру Салтина в романе Дейзи Эшфорд «Малодые гости»^{1,2}. Будь то корона, чепец или шляпа из магазина Лока, шляпа — это наименее необходимый предмет гардероба, но при этом самый влиятельный. «Из всех мишурных вещиц, которые Власть использует, чтобы крепче связать своих Подданных, ничто не служило своей цели лучше, чем шляпа, — заключает историк Майкл Харрисон. — Назови ее короной или тиарой... она все равно останется шляпой»³. Когда миссис Тэтчер приехала в Россию, чтобы встретиться с Горбачевым, Филип Сомервилл изготовил для нее огромную шляпу из меха чернубурой лисицы. Она произвела фурор, и пресса разразилась хвалебными отзывами.

Политики или монархи, все нуждаются в представительных аксессуарах, чтобы скрыть свою сущность простого смертного, и хотя в дальнейшем мой рассказ пойдет о шляпах, а не о коронах, короны, даже когда их снимают, преследуют головы королевских особ.

«Вопрос о шляпах, — писал Фредерик Уиллис в 1960 году (как раз когда они начали исчезать), — крайне важен. Снимите с полисмена его шлем, и вы подорвете его авторитет... отмените шелковую шапочку банковского посыльного, и вы нанесете сокрушительный удар по финансовой системе Великобритании»⁴. Апокалиптическое видение Уиллиса вытекает из целой жизни, прожитой при шляпах. А ведь до недавнего времени шляпы были предметами, обладавшими существенными иерархическими, экономическими и даже религиозными значениями, подчинявшимися строгому этикету. В случае королевской власти в игру вступают различные факторы. С одной стороны, функция шляпы сходна с той, что выполняет униформа, — это почти что знак отличия, как корона или шлем. Ее надевают, потому что так «принято» на некоторых публичных мероприятиях. Но шляпа, в отличие от короны, также привносит с собой современность — это часть индивидуального образа в определенный момент времени. Как и все мы, члены королевской семьи хотят носить шляпы, которые им нравятся, которые соответствуют их представлению о себе. Наряду с этими двумя факторами также очень важен третий: мода. Монархи могут следовать или не следовать моде, они даже могут ее задавать. Может показаться смешным, если вы наденете шляпу в соответствии с «последним писком моды», но еще хуже — надеть нечто вышедшее из моды. О шляпах нужно принимать решения, и независимо от того, каково решение, его результатом является публичное зрелище. Стив Лэйн, королевский болванщик, рассказал мне, как предлагаемые стили проходят через планировщиков, дизайнеров, камердинеров, а затем передаются на рассмотрение самой королеве, прежде чем будет сделан выбор. Королеву делает свита.

Мужчины королевских кровей

История королевских шляп фактически начинается с Ганноверов, которые, как утверждает Линда Колли, хотели распространить «весьма привлекательный миф о том, что члены королевской семьи такие же, как и все, но при этом другие»⁵ — обычные, но волшебные. Все же за этой переменой в образе монархии стоял драматический прецедент. В 1660 году Карл II, восстановленный на престоле после десяти лет республиканского правления, снял шляпу, въезжая в Лондон, желая избежать впечатления мистической

Ил. 1. Въезд Карла II в Уайтхолл. 1660

отстраненности монарха и подчеркивая служение своему народу. Согласно протоколу только король мог не снимать головного убора в обществе, однако по такому случаю Карл II держал своего «бобра» со скромным плюмажем в руке (ил. 1). Начиная с XVI и до появления в XIX веке цилиндра и котелка, знатные мужчины Европы носили подобные темные шляпы из бобрового фетра, треуголки и двууголки, без отделки, с плюмажем или обшитые галуном. Шляпа Карла II на этом изображении представляет собой старинную шляпу кавалера. Треуголки и двууголки, которые впоследствии превратились в элемент военной формы в Европе и Северной Америке XVIII века, стали излюбленными фасонами монархов, особенно в Северной Европе. Георг III в 1779 году учредил виндзорскую униформу: синий китель с красной и золотой отделкой и треуголку, которую носил он сам и все его придворные. Однако он любил удивлять своих подданных, иногда облачаясь в костюм буржуа и простую фетровую шляпу; на самом деле он следовал тенденции к упрощению одежды. Георг III с большей легкостью мог переключать вестиментарные коды, чем французские монархи. Филип

Мансел в книге «Одетые, чтобы править» описывает, как отсутствие воинственности во французском придворном костюме навредило образу власти. В целом статусные шляпы отличались от прочих обилием галунов, кокард и плюмажей. Перья в самом деле играли в этой истории непропорционально большую роль: монархия — это тоже своего рода шоу-бизнес. Георг IV, в отличие от своего отца, не ограничивал себя в количестве позолоты и перьев, как мы видим по эскизам для его коронации. Пышно взбитая прическа принца (в действительности это парик⁶) означала, что его редко можно было увидеть в шляпе, но цилиндр, лежащий рядом с ним на портрете кисти Томаса Лоуренса 1822 года, свидетельствует о его осведомленности в моде.

Женщины королевских кровей

До того момента, когда женщины вышли в общественные пространства, такие как улицы, магазины и парки, в середине XVIII века, выбор женских головных уборов сводился к чепцам в помещении и капюшонам на улице. Для верховой езды, однако, женщины из высшего общества уже давно носили мужские шляпы. Женщины, в отличие от мужчин, не были стеснены семантикой шляп в качестве символов статуса и власти и потому обладали большей свободой в изобретении новых фасонов. Мария-Антуанетта или, точнее, ее модистка Роза Бертен фактически положила начало модным шляпкам, исполняя их с таким щегольством, которое мало кому удалось превзойти. Шарлотта, супруга Георга III, не стала следовать ее примеру, хотя она сделала столь любимые французской королевой страусиные перья частью придворной прически, и эта традиция соблюдалась вплоть до 1939 года. Гораций Уолпол отмечал милую маленькую тиару Шарлотты, и, судя по портретам, она не любила пышность в головных уборах.

Женские головные уборы могут быть изобретательными, но также и вызывать неловкие ситуации, посылая нежелательные сигналы. Портрет Шарлотты кисти Лоуренса 1790 года вызывает тревожное, меланхолическое настроение из-за петель черной ленты, обвивающей седые волосы стареющей королевы, — такое украшение избрал сам художник. Миссис Пейпендик, хранительница гардероба королевы, вспоминает, как Шарлотта сопротивлялась такой прическе и отказывалась позировать Лоуренсу⁷. Шарлотта возненавидела этот портрет, а Георг отверг его с яростью, посчитав непокрытую голову супруги нарушением протокола. Хотя сам по себе портрет был исполнен великолепно, художник совершил ошибку в оценке соотношения личного и публичного: украшения сообщают нам о Шарлотте и ее печалях больше, чем она сама могла предположить.